

торый «проводить жизнь» въ благочестивыхъ занятіяхъ и «ревнуетъ» о вѣрѣ, но не горитъ жаждой полного осуществленія того, что не нуждается въ богословскихъ трактатахъ и проповѣдяхъ. Здѣсь нѣтъ уже отрицанія временнаго во имя безконечнаго, нѣтъ вдохновенія и безумія вѣрующаго, живущаго на землѣ—какъ въ небѣ, а, наоборотъ, опредѣленно сознаются чисто земныя задачи и ими заполняется жизнь.

Много говорятъ о вдохновеніи, объ экстазѣ, о вѣчномъ; но дуновенія вѣчнаго нѣтъ во всемъ этомъ, того, въ чемъ жили св. Францискъ или нашъ Нилъ Сорскій.

Не потому ли въ обширныхъ трактатахъ богословскихъ Толстого не встрѣтишь личнаго въ пониманіи и ощущеніи христіанства, а развиваются только данныя положенія и идетъ споръ съ человѣческими заблужденіями? И не отсюда ли противорѣчія самому себѣ? Ибо противорѣчить себѣ можетъ только умъ, но нѣтъ противорѣчій въ выраженіи влеченій сердца. Между тѣмъ, у Толстого мы встрѣчаемъ два слѣдующихъ противорѣчащихъ другъ другу въ самомъ основномъ опредѣленія христіанства:

Первое:—«Христіанская истина есть наивысшее выраженіе абсолютнаго добра, есть выраженіе самой сущности внѣ времени, формы.